

Е. П. Белинская

**У ИСТОКОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ПСИХОЛОГИИ МАСС»
Г. ЛЕБОНА И КОНЦЕПЦИИ «ГЕРОЕВ И ТОЛПЫ»
Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО**

В статье проводится сравнительный анализ основных положений концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского и «психологии масс» Г. Лебона. Рассматривается социокультурный и интеллектуальный контекст их возникновения. Оценивается роль данных концепций в становлении и развитии предметного поля социальной психологии. Отмечается значение «субъективного метода» Н.К. Михайловского для будущего методологического поиска в рамках социального конструкционизма.

Ключевые слова: «психология масс» Г. Лебона, концепция «героев и толпы» Н.К. Михайловского, «психологизация» социальных наук, субъективный метод, методология субъективной рациональности.

The article deals with two of the first social-psychological conceptions, addressing the analysis of human behavior in a large social group; the socio-cultural and intellectual context of their occurrence is defined; a comparative analysis of the main provisions of these conceptions is carried out. The role of these concepts in the development of subject fields of social psychology is evaluated. Notes the importance of “subjective method” N.K. Michailovskiy for the future of methodological search within social constructionism.

Key words: “mass psychology” by G. Le Bon, conception of “heroes and the crowd” by N.K. Mikhailovskiy, “psychologisation” of social sciences, the subjective method, the methodology of subjective rationality.

Начало становления социальной психологии как самостоятельной области знания датируется концом XIX в., когда в рамках общественных наук появились концепции, в центре внимания которых стояла **проблема взаимоотношений личности и общества**, индивидуального и социального. Очевидно, что данная проблема является смыслообразующей для всего спектра наук о человеке. А потому отнесение этих концепций к области социально-психологического знания вызвано не специфичностью предмета исследования, а характером применяющихся интерпретаций, попытками авторов совместить социальный и собственно психологический анализ исследуемых реалий. Во многом именно этот начальный

Белинская Елена Павловна — докт. психол. наук, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* Elena_belinskaya@list.ru

этап становления социальной психологии задал на все XX столетие ее «пограничный» характер, междисциплинарный статус. И эта позиция «между» социологией и психологией до сих пор обуславливает повышенную «чувствительность» социальной психологии к методологическому поиску и готовность к постоянной методологической саморефлексии, гораздо более выраженную, чем в любой другой области психологического знания.

Сегодня результаты этой рефлексии становятся востребованными не только ввиду их науковедческого значения, но и в связи с возникающими в психологическом сообществе спорами о возможностях развития социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины. Как отмечает Г.М. Андреева, определенная «инаковость» социальной психологии нередко «ложно трактуется или как утрата своего предмета, как растворение ее в других составных частях психологии, или как низведение ее до уровня лишь прикладной дисциплины... Способ преодолеть подобные трактовки один — более пристальное знакомство с реальными идеями в социальной психологии» (Андреева, 2009, с. 33). И в этом знакомстве определенное значение имеет историческая реконструкция социокультурного и интеллектуального контекста возникновения самых первых форм социально-психологического знания, ведь история вообще (и история науки в частности) всегда подобна «зеркалу заднего вида», помогающему нам более уверенно двигаться вперед.

Выбор для сравнительного анализа концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского и «психологии масс» Г. Лебона определялся следующими соображениями. Во-первых, эти теории появились практически в одно и то же время, но независимо друг от друга, что ставит вопрос о наличии каких-то общих объективных предпосылок их возникновения. Во-вторых, в постановке проблем исследования обе они «подпитывались» в наибольшей степени социологическими идеями своего времени, нежели психологическими, но по характеру интерпретаций были явно психологическими. Наконец, в-третьих, если «психология масс» Г. Лебона является общепризнанной формой социально-психологического знания конца XIX в. и ее изложение традиционно включается в учебные социально-психологические издания, то концепция «героев и толпы» Н.К. Михайловского гораздо реже выступает в этом качестве. И потому их сравнительный анализ может расширить имеющиеся на сегодняшний день представления о предметном поле социальной психологии на заре ее становления.

Обратимся вначале к **историческому контексту** возникновения данных теорий. Небольшая работа «Психология народов и масс» Густава Лебона (1841—1931) — французского публициста, медика по образованию, философа и психолога по приверженности к определенной проблематике, человека с ярко выраженной гражданской позицией — вышла в свет в 1895 г. (русский перевод — в 1896 г.). За ней последовал целый

цикл его публикаций социально-психологического плана: «Психология социализма» (1898), «Мнения и верования» (1911), «Французская революция и психология революций» (1912), «Психологические уроки мировой войны» (1916). Даже по самим названиям этих работ можно судить об исторической реальности Западной Европы того времени. Активизация массового протестного движения, появление на политической арене новых социальных сил и слоев, усиливающаяся в общественном сознании амбивалентность оценок наступающего XX в. («века толпы») — все это обусловило интерес Лебона к динамике поведения человека в большой группе, к закономерностям формирования массового сознания, к возможностям привлечения психологических идей и понятий для социологического и исторического анализа.

Взгляды на проблематику «психологии масс» Николая Константиновича Михайловского (1842—1904) — известного российского обществоведа, одного из основоположников русской этико-социологической школы — тоже в значительной степени могут быть названы откликами публициста на конкретные события общественной жизни России конца XIX в., прежде всего на «холерные беспорядки» и еврейские погромы. Так, в 1880—1890-х гг. Н.К. Михайловский выпустил ряд статей: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма: к вопросу о героях и толпе» (1884), «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893). Неоднократное обращение исследователя к теме «героев и толпы» было связано не только с динамикой его мысли, но и с реакцией на выход в свет (начиная с 1890 г.) русских переводов работ французских авторов, осуществленных Издательским домом Ф. Павленкова в Санкт-Петербурге. Среди этих работ — «Гениальность и помешательство» Ч. Ломброзо, «Умственные эпидемии» Р. Реньяра, «Преступная толпа» С. Сигеле, «Законы подражания» Г. Тарда, «Психология народов и масс» Г. Лебона. Однако отметим, что первая статья на эту тему была опубликована Михайловским за несколько лет до появления указанных переводов, и только дальнейшая разработка им данной проблематики была стимулирована заочной полемикой с западноевропейскими коллегами. Но важнее другое: формально обращенные к той же теме — феноменологии изменения поведения человека в большой неорганизованной группе (толпе) — работы российского автора исходно существенно отличались от работ упомянутых зарубежных авторов тем, что для Михайловского проблематика «героев и толпы» была прежде всего утверждением определенного способа анализа социальной реальности — «субъективного метода», разработку которого он начал еще в конце 1860-х — начале 1870-х гг.

Интерес русского исследователя к проблеме поведения человека в толпе и возникновение самой концепции «героев и толпы» имели свои **социокультурные основания**. Известное постреформенное разочарование русской либерально-демократической интеллигенции, развитие

политически оппозиционных настроений, предчувствие смены образа жизни и всего культурного контекста под натиском бурного становления капитализма в России, наступление «века масс» взамен ожидаемой эпохи «просвещенного народа» — все это отражается в мировоззрении Н.К. Михайловского (уже отошедшего к этому времени от идей народничества). Его взгляд на будущее России лишается прежнего оптимизма. И эту перемену сам мыслитель в значительной степени связывает с личной общественной ситуацией, когда «под покровом толков о народе началась самая гнусная, самая возмутительная травля на интеллигенцию, а вместе с нею и на просвещение вообще» (Михайловский, 1998, с. 289—290). Обращение к проблематике «героев и толпы» имело для него прежде всего личностный смысл, так как именно в эпоху реакции, когда каждый «засосан мелкой и узкой действительностью» (там же, с. 193), актуализируется извечное человеческое стремление к идеалу. Для Михайловского и близкого ему поколения русской интеллигенции, в известной мере увлеченной анализом объективных причин социальных явлений и «естественно-научных» оснований прогресса, таким идеалом выступало активное вмешательство, противопоставление личности, воодушевленной сознательно намеченными и нравственными целями, «естественному ходу вещей». Именно поэтому тема «героев и толпы» стала для исследователя рефлексией положения того поколения русской либерально-демократической интеллигенции, которое в 1880—1990-е гг. оказалось наиболее чувствительным к тому, что в русской общественной жизни «слова остались, животворящий дух исчез» (там же, с. 159).

Существовал, конечно, и определенный **интеллектуальный контекст** возникновения концепции «героев и толпы», а также реализации в ней «субъективного метода». К нему прежде всего можно отнести ставшее к тому времени очевидным объективное обеднение результатов социально-гуманитарных исследований при условии их жесткого базирования на принципах позитивизма. Именно окончательное осознание невозможности построения гуманитарного знания по образцу естественно-научных дисциплин, поиск путей междисциплинарного анализа социальных явлений, отрефлексированная необходимость смены методологии привели Н.К. Михайловского к продолжению работы над «субъективным методом», утверждению требования изучать активного и целостного субъекта. Его внимание к человеку, который всегда (так или иначе, осознанно или непреднамеренно) ориентирован на преобразование социальной реальности и деятельностная активность и ценностные принципы которого могут стать определяющим фактором динамики социального поля, в значительной степени было реакцией на усиливающуюся популярность марксизма в русском общественном сознании, ибо «учение, включающее человека в великую мировую цепь причин и следствий, превращает его в пассивный механизм» (Михайловский, 1999, с. 43).

В своих работах Михайловский четко проводит мысль о том, что взгляд исследователя в области социальных наук неизбежно должен иметь ценностную окрашенность. Такая «этическая предвзятость», с его точки зрения, является не гносеологическим ограничением, которое надо учитывать или же как-то преодолевать (например, методически), а, напротив, системообразующим способом познания. Автор утверждает, что «...кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности, и, смотря по высоте этого идеала, он более или менее приблизится к пониманию смысла явлений общественной жизни» (цит. по: Бердяев, 1992, с. 20). Иными словами, истину нельзя отделить от идеалов и ценностей познающей личности не только онтологически, но и гносеологически.

Методологическая позиция Г. Лебона значительно скромнее: французский исследователь опирается лишь на метод наблюдения (по праву, однако, войдя в историю социальной психологии как непревзойденный его мастер), и эта опора далеко не случайна. Находясь под большим влиянием идей Г. Тарда, Лебон признает метод наблюдения наиболее адекватным способом получения информации о чувствах, настроениях, переживаниях человека в толпе, об особенностях эмоционального строя «вождя массы», о соотношении индивидуальных «аффекта и интеллекта» в ситуации деперсонализации личности. Признавая вслед за Г. Тардом, что в основе социальности лежит «эмоциональная сфера психической жизни человека», Лебон доказывает с помощью метода наблюдения, что поведение индивида в толпе носит бессознательный и иррациональный характер, приводящий к определенным изменениям в личности (повышенная эмоциональность, расторможенное поведение и утрата чувства личной ответственности).

У Н.К. Михайловского **идея «психологизации» социальных наук** связана прежде всего с пониманием потенциальной междисциплинарности знания о человеке и с поиском ответа на вопрос о его едином предметном основании. Выбор в качестве такового психологии объясняется отмеченным в более ранних работах противоречием между способами познания в естествознании и в гуманитарных науках — несовпадением «правды-истины» и «правды-справедливости». В концепции «героев и толпы» для разрешения этого противоречия выдвигается требование психологизации всего обществознания, смещения фокуса его внимания на «душевные явления». Сетую на раздробленность, фрагментарность современного ему знания о социальной природе человека, Михайловский видит возможность преодоления данного состояния через обращение к психологии как обобщающей и систематизирующей науке. Характерно, что свой выбор он обосновывает не объективным уровнем развития психологии, а очевидной субъективной «известностью», представленностью пресловутых душевных явлений любому человеку, в том числе

исследователю: «Как ни много в этой области спорного, гипотетического и условного, душевные явления настолько известны все-таки, чтобы можно было по достоинству оценить психологические моменты различных теорий» (Михайловский, 1998, с. 14). Заметим, что речь идет не столько о психологии вообще, сколько именно о социальной психологии — об изучении именно массовых движений, «человека в толпе», «природы отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим», т.е., по сути, социально-психологическое содержание должно стать основанием «истинного сотрудничества различных областей знания» (там же, с. 15).

Но дело, конечно, не только в субъективной известности социально-психологических реалий. С точки зрения Н.К. Михайловского, данный выбор определяется также яркой феноменологией иррациональных изменений поведения человека в большой неорганизованной группе (толпе), и в этом его позиция совпадает с позицией Г. Лебона. Тем самым выдвигаемое им требование междисциплинарности гуманитарного знания неминуемо начинает включать в себя и требование нового предметного содержания, а именно внимания к иррациональным началам поведения, к попыткам приведения человеком данной иррациональности к рациональным объяснениям, к «субъективной рациональности». И с этой точки зрения **«субъективный метод» Михайловского** становится таким способом анализа психологических аспектов социального поведения человека, который предполагает исчезновение противопоставления субъекта и объекта. «...Мыслящий субъект только в том случае может прийти до истины, когда вполне сольется с объектом и ни на минуту не разлучится с ним, то есть войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами» (цит. по: Бердяев, 1992, с. 148).

Такое «склеивание» субъекта и объекта, столь гносеологически нехарактерное для той эпохи, не могло не вызвать сопротивление современников. В частности, Н.А. Бердяев в работе 1901 г. «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском» (Бердяев, 1999), отдельно останавливаясь на понимании «субъективного метода» как «метода психологического», всячески подчеркивает его предметную ограниченность, невозможность применения за пределами психологического знания. В трактовке Бердяева «субъективный метод» редуцируется до метода самонаблюдения, толкования тех или иных реалий в терминах внутреннего опыта, т.е. метода интроспекции в его классическом понимании В. Вундтом. Бердяев не признает того, что подобный методологический принцип расширяет пределы познаваемого в социальных науках как минимум за счет включения в них субъективных оценок и интерпретаций этического толка. Для Михайловского же «субъективный метод» не был сугубо психологическим именно потому, что предполагал обращение в

исследовании не только к чувственному (социальному, психическому), но и к нечувственному (этическому, эстетическому) опыту человека, а потому никак не мог быть сведен к интроспекции. Более того, представляется, что позиция Михайловского может быть квалифицирована как первая попытка обращения внимания гуманитарных наук на определенную конвенциональность социальных реалий за счет включения интерпретативного принципа в познание социальности. И это, на наш взгляд, задает современное звучание концепции «героев и толпы», ее «переключку» с новой эпистемологией социально-психологического знания, а именно с социальным конструкционизмом, который в конце XX в. стал парадигмальным ответом на общий кризис сциентизма в гуманитарных науках.

Специфично и понимание отечественным исследователем **условий возникновения** самого «**феномена толпы**». Н.К. Михайловский неоднократно подчеркивает, что в центре его исследовательского интереса стоят именно *отношения* героя и толпы, основой которых постулируется специфика восприятия одного человека большой группой людей в определенных условиях. Для него толпа и герой — не оценочные категории. Это видно из определений: «*Героем* мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. *Толпой* будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным, или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины...» (Михайловский, 1998, с. 6). Более того, возникновение толпы неотделимо от появления героев: «...Герои не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам... их создает та же среда, что выдвигает и толпу», а потому героем может стать кто угодно — «злодей, глупец, ничтожество, всемирный гений или ангел во плоти» (там же). «Связка» героя и толпы неразрывна в силу наличия неких общих механизмов своего возникновения. Соответственно Михайловский не выделяет разные виды толпы, тогда как Тард проводит различие между «бессознательной толпой», движимой силой стихийных и разрушительных настроений, и «сознательной публикой», формирующей общественное мнение, а Лебон делит толпы на неорганизованные и организованные. Заметим, что для Михайловского антитезой толпе является народ. Иными словами, основной предмет исследования составляет не выявление тех или иных выдающихся индивидуальных особенностей, позволяющих человеку стать «героем», и не описание различных типов «толп» и их действий, а выяснение характера отношений героя и толпы и условий возникновения данных отношений как ответственных за процессы подавления сознания и воли индивидуальности.

Как же характеризуются автором эти условия? Каковы **механизмы выдвижения героев и возникновения толпы**? Ответ Н.К. Михайловского

на эти вопросы существенно отличен от ответа его западных современников. Так, условия возникновения особых отношений героя и массы на тот исторический момент в принципе не рассматриваются ни Г. Тардом, ни Г. Лебоном. Анализ же самих механизмов формирования толпы ограничивается Тардом принципом подражания, а точка зрения Лебона фактически сводится к постулированию особого закона «духовного единства толпы». Собственно, доформулировка своей позиции по данному вопросу в ходе заочной полемики с Тардом и Сигеле и составляет содержание последних двух статей Н.К. Михайловского.

Несогласие Михайловского с позицией западноевропейских коллег обусловлено непринятием абсолютизации идеи подражания. Напомним, что в «Законах подражания» Тард отводит последнему центральную роль в общественной жизни. По его мнению, подражание выполняет функции воспроизведения, распространения и унификации социального опыта, обеспечивая тем самым как динамику, так и стабилизацию социальных отношений: «В общественном отношении все оказывается изобретениями и подражаниями; подражания — это реки, вытекающие из тех гор, что представляют собой изобретения» (Тард, 1892, с. 3). Отметив роль подражания в социальной жизни на 3 года ранее французского коллеги, Н.К. Михайловский в более поздних работах постоянно подчеркивает принципиальную вероятность его проявления: подражание — «вещь несомненная и вместе с тем таинственная» в силу непонятности оснований выбора объекта подражания, ведь оно «обрывается при самом ничтожном препятствии». Соответственно делается итоговый вывод: «Признать подражание единственным двигателем массовых движений невозможно», так как «дело в особенностях настроения масс и усиленной работе воображения» (Михайловский, 1998, с. 45).

Поэтому для русского мыслителя закономерно возникает вопрос о причинах тех или иных массовых настроений, «запускающих» в определенный момент воображение толпы, которое, собственно, и наделяет одного из своих членов атрибутами героя. Именно в этом контексте Михайловский и обращается к анализу **условий «толпотворения»**.

Последние рассматриваются им двояко: во-первых, как условия социальные, а во-вторых, как сугубо психологические. В качестве социальных условий «толпообразования» Михайловский отмечает общественное разделение труда и его деперсонализирующие следствия, а в качестве психологических — причины аффективного свойства: отсутствие эмоционально ярких событий, бедность перцептивного опыта человека, когда «самостоятельная жизнь индивида поедается скудостью и однообразием впечатлений» (Михайловский, 1999, с. 64), причем оба этих плана понимаются им как взаимосвязанные. Неуклонное развитие производства, когда каждая функция дробится и обособляется из-за жесткой регламентации процесса труда, становится причиной разнообразия и усложнения социальной жизни (в силу как минимум

увеличения количества форм социальной солидарности). Вследствие неминуемого функционального отношения к личности индивидуальная жизнь обедняется, а потому «разнообразие общественной жизни может... находиться в прямом противоречии с богатством личной жизни и даже обуславливать ее однообразие, скудость, односторонность» (там же, с. 67).

Но с социально-психологической точки зрения представляется интересным не столько выделение данного противоречия, сколько его дальнейшая интерпретация Н.К. Михайловским. Логично было бы предположить, что в своем «субъективном» выражении оно будет рассматриваться с мотивационно-потребностной точки зрения, достаточно распространенной на рубеже XIX—XX вв. Но Михайловский обращает внимание на аффективные следствия данного противоречия, понимая под «скудостью» индивидуальной жизни не только и не столько трансформации мотивационной сферы, сколько определенную динамику чувств, переживаний, бедность и однообразие личных впечатлений. Именно этим в конечном итоге он объясняет возникающую в толпе склонность к подражанию: обедненность чувств влечет за собой однообразие представлений («ослабление мысли»), создавая питательную среду для единообразия «психологических процессов в толпе», следствием которых и является подражание. С этой точки зрения концепция «героев и толпы» представляет собой одну из первых попыток включения в акты познания аффективного контекста на социально-психологическом материале. Учитывая то, что современная социальная психология, обращаясь к анализу закономерностей социального познания, все чаще акцентирует необходимость выявления специфической роли эмоций в восприятии социальной действительности, эта попытка Н.К. Михайловского приобретает актуальное методологическое звучание.

* * *

Вектор «противостояния» русской общественной мысли конца XIX в. западноевропейскому социологическому позитивизму определялся своеобразием исследовательского интереса к проблеме социальной обусловленности личности. Для западноевропейских коллег эта проблематика традиционно была центрирована не столько на проблеме личности, сколько на проблеме деперсонализации, т.е. на изучении закономерностей «потери человека в человеке», процессов актуализации его безличностного начала в тех или иных условиях (прежде всего в толпе, в массе). Для отечественных же мыслителей, напротив, приоритетным был вопрос сопротивления, противостояния человека нивелирующему социальному влиянию. Интерес к этому вопросу был взаимосвязан с известной психологизацией всей русской общественной мысли, выразившейся во внимании исследователей к проблемам внутреннего мира человека. Идея такой «психологизации» с необходимостью требовала

обращения к изучению не только чувственного (социального и/или психического), но и этического и эстетического опыта человека. При этом этическая позиция исследователя мыслилась не как ограничение познания, а как самостоятельный гносеологический принцип, открывающий новые перспективы для гуманитарного знания. Известное преобладание онтологических проблем над гносеологическими, столь характерное для русской общественной мысли в целом, и связанная с этим общая онтологизация проблематики гуманитарного знания вызывали к жизни антропологизм как принцип объяснения социальности, законов общественной жизни в целом. Именно через призму человека, внимание к его ценностям, нравственным основаниям бытийности утверждался будущий принцип субъективной рациональности, выражающийся в исчезновении жесткой оппозиции «субъект—объект», в неминимуме конвенциональности при объяснении социальных феноменов, а также в изучении когнитивных и аффективных явлений в их взаимосвязи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г.М. Итоги столетия (к вопросу о прогрессе в социальной психологии) // Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М., 2009. С. 7—36.

Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // Интеллигенция — Власть — Народ: Русские источники современной социальной философии: Антология. М., 1992. С. 117—124.

Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. М., 1999.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.

Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: В 2 т. / Отв. ред. В.В. Козловский. Т. 2. СПб., 1998.

Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. М., 1999. С. 305—354.

Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.